

A movie poster for 'The Golden Cage' (Золотая клетка). The central figure is a woman, Elena Severskaya, wearing a vibrant green, backless dress. She is looking over her shoulder towards the camera. Behind her, a man in a dark suit is visible, his eyes glowing with a bright yellow light. Swirling around them are ethereal, glowing particles in shades of blue and gold, resembling magical energy or a protective barrier. The background is a grand, multi-story building at night, with its windows illuminated from within, creating a warm, golden glow that contrasts with the dark exterior. The overall mood is mysterious and fantastical.

Елена Северская

**Золотая
клетка**

Елена Северская

Золотая клетка

«Автор»

2026

Северская Е.

Золотая клетка / Е. Северская — «Автор», 2026

Юлия обычная бухгалтерша из Москвы, чья жизнь меняется в один миг с получением приглашения на закрытую вечеринку. Теперь рядом есть он. Алеф. Харизматичный, богатый, загадочный. Он предлагает ей то, о чём она не смела мечтать: роскошь, внимание, силу, которую она даже не подозревала в себе. Но за золотыми стенами его виллы скрывается ужасающая правда. Алеф не человек. Он Сеятель, существо, питающееся человеческими душами. Его "любовь" это ловушка. Его "дары" приманка. А Юлия? Она всего лишь очередной бриллиант в его коллекции, который он огранит... и пожрёт. Когда вокруг все лгут обещающий вечность монстр, клянущийся в спасении шпион, циничный союзник с собственной игрой на кого можно положиться? Только на себя. Юлия должна научиться управлять пробудившейся силой, раскрыть истинное лицо своих "спасителей" и вырваться из золотой клетки, пока не стало слишком поздно.

© Северская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: «34-Й ЭТАЖ И ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО»	5
ГЛАВА 2: «ПЯТНИЦА С АЛИНОЙ И НАТАШЕЙ»	9
ГЛАВА 3: «КАК ЗОЛУШКА, ТОЛЬКО БЕЗ ФЕИ»	13
ГЛАВА 4: «СЕРОЕ ПЯТНО НА АЛМАЗНОМ ПОЛУ»	17
ГЛАВА 5: «ОН»	20
ГЛАВА 6: «НАЛЁТ И НОМЕР ТЕЛЕФОНА»	24
ГЛАВА 7: «ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ — НЕ В РЕСТОРАНЕ»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Северская

Золотая клетка

ГЛАВА 1: «34-Й ЭТАЖ И ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО»

Юлия заметила пятно только когда допила остывший кофе — третью за день чашку из автомата, который умел делать напиток со вкусом жжёной резины в семи вариациях. Чернильная клякса расплылась на груди светло-бежевой блузки, той самой, которую она считала "хорошей" и надевала на важные встречи. Впрочем, никаких встреч у неё не было — зачем бухгалтеру встречаться с людьми? Цифры не требуют макияжа и улыбок.

Ручка стоила сорок рублей. Блузка — две тысячи, и то в распродажу три года назад.

— Чёрт, — пробормотала она и потёрла пятно салфеткой, добившись только того, что чернила размазались шире, превратившись в синеватую карту несуществующего архипелага.

За окном, тридцать четыре этажа вниз, Москва зажигала огни. Отсюда она выглядела почти красиво: золотые нити проспектов, красные бусы фонарей, далёкие небоскрёбы, похожие на декорации к фильму про жизнь других людей. Не её. Никогда её.

Юлия посмотрела на часы в углу монитора. 20:47. Все давно разошлись — Лена из соседнего отдела умчалась на свидание, взвизгивая от восторга, потому что "он наконец написал!". Олег из отдела продаж хлопнул дверью ещё в шесть, бросив на прощанье: "Ветрова, не засиживайся, личной жизни не заработаешь!" И расхохотался собственной остроумности.

Личная жизнь. Как будто она продаётся на том же складе, где лежат путёвки на Мальдивы и Бали, упакованные в глянцевые конверты с фотографиями счастливых пар.

Она перевела взгляд на плакат над принтером. "Мальдивы. Рай на земле". Бирюзовая вода, белый песок, бунгало на сваях, нависшее над океаном. Из тех, что стоят три тысячи долларов за ночь. Она как-то считала: чтобы поехать туда на неделю, нужно отдать полгода зарплаты. Без учёта еды, перелёта и того факта, что Шпуле нельзя оставаться одной больше трёх дней.

Пальцы сами потянулись к мышке. Клик. Свернула таблицу с квартальным отчётом — бесконечные столбцы дебета и кредита, которые должны были сойтись до копейки, иначе Марина Викторовна, главный бухгалтер с лицом прокурора, устроит разнос. Ещё клик. Папка на рабочем столе, спрятанная в недрах системы, с невинным названием "Архив_2023". Внутри — не архив.

Там были фотографии.

Интерьеры с Pinterest. Гостиная с французскими окнами в пол, залитая солнцем. Кухня с мраморной столешницей и медными смесителями. Спальня, где кровать выглядела, как облако, а постельное бельё стоило дороже её месячной зарплаты. Венеция на закате — узкий канал, гондола, золотой свет на воде. Париж — кафе на мощёной улочке, круассаны и кофе в белых чашках. Прага. Барселона. Стамбул.

Жизни других людей, аккуратно разложенные по папкам. "Путешествия". "Дома". "Гардероб". Там были платья, которые она никогда не наденет, потому что некуда. Туфли, в которых не пройти до метро. Сумки, за которые не отдашь зарплату, а пожалуй, две.

Она смотрела на фотографию — девушка на веранде виллы где-то на юге Франции, с бокалом вина и книгой, босая, в лёгком льняном платье. Счастливая. Свободная. Красивая.

Юлия Ветрова, тридцать два года, бухгалтер третьей категории, съехала вниз по экрану и закрыла папку.

Пятно на блузке смотрело на неё, как приговор.

Телефон зазвонил, когда она уже спускалась в метро. "Мама" светилось на экране крупными буквами — она всё никак не могла привыкнуть к мелкому шрифту по умолчанию и в прошлый приезд заставила Юлию всё увеличить.

— Але, мам, — она прижала трубку к уху, протискиваясь сквозь толпу на эскалаторе. Пахло сыростью, потом и чужими духами.

— Юлечка! Ну наконец-то! Я уже третий раз звоню!

— Извини, доделывала отчёт, телефон на беззвучном лежал.

— Опять задержалась? — в голосе матери прозвучало то, что Юлия давно научилась распознавать: смесь беспокойства и осуждения. — Тебе хоть доплачивают за переработки?

— Нет, но... — она запнулась. Объяснять, что иначе к девяти утра будет скандал, было бессмысленно. Мама работала библиотекарем в районной библиотеке и считала, что все проблемы от "неумения отстаивать свои права".

— Вот видишь. Тебя используют, Юль. Надо уметь говорить "нет". Ну ладно. Слушай, я тут Свете звонила — помнишь её? Мы вместе на даче отдыхали в том году.

— Помню, — соврала Юлия. Матерей подружек она не помнила. Их было слишком много, и все они начинались с одной и той же фразы: "А у неё сын/племянник/сосед!"

— Так вот! У неё сын работает в какой-то IT-компании. Хороший мальчик, не пьёт, не курит. Ему тридцать пять. Разведён, но без детей — жена, видишь ли, карьеристкой оказалась, бросила его. Я Свете про тебя рассказала...

Юлия прикрыла глаза. В голове ожил знакомый хор: "тридцать два", "пора бы", "часики тикают", "хоть кошка у тебя есть".

— ...и она говорит, давайте познакомим! Может, съездите куда-нибудь. Сейчас же все эти, как их, сайты знакомств есть, но там одни... ну, сама знаешь. А тут нормальный человек, по рекомендации...

— Мам, — перебила она, стараясь, чтобы голос не прозвучал резко. — Мам, я правда устала. Давай завтра поговорим?

Пауза. Вздох на том конце провода — тяжёлый, как одеяло.

— Хорошо. Ты только подумай, ладно? Тебе уже тридцать два, Юль. Время не ждёт. Я не хочу, чтобы ты осталась одна. Кот — это, конечно, хорошо, но он же не...

— Не заменит семью. Знаю. Мам, я поняла. Поговорим завтра, обещаю.

Ещё один вздох. Капитуляция.

— Ладно. Не засиживайся, поешь нормально. И Шпулю не забудь...

— ...таблетку дать. Не забуду. Пока, мам.

Она нажала отбой и стиснула телефон в руке так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Состав подошёл с грохотом и свистом. Юлия втиснулась в вагон, уткнулась лицом в чужую куртку, пахнущую табаком и дешёвым порошком. Где-то внутри, под рёбрами, скребли невидимые когти. Не злость. Не обида. Что-то другое. Усталость, может быть. Или стыд.

Тридцать два. Однушка от родителей. Кошка с больными почками. Блузка с чернильным пятном. И мама, которая звонит, чтобы напомнить: время идёт, а ты всё стоишь на месте.

Вагон качнуло. Кто-то наступил ей на ногу. Юлия зажмурилась и сосчитала до десяти.

Ещё шесть остановок до дома.

Шпуля встретила её на пороге — серый пушистый комок с жёлтыми глазами, полными укоризны.

— Мяу, — сообщила она, и в этом звуке читалось всё: "Ты опоздала", "Я голодная", "Ты плохая хозяйка", "Но я всё равно тебя люблю, потому что выбора нет".

— Привет, королева, — Юлия скинула туфли — ноги ныли — и присела на корточки, протягивая руку. Шпуля обнюхала пальцы, милостиво позволила почесать за ухом, потом развернулась и медленно, с достоинством, пошла на кухню. Хвост трубой. Требование.

Квартира встретила её тишиной и знакомым запахом — старое дерево, кошачий наполнитель, что-то ещё, неуловимое, что Юлия называла "запахом дома". Обои в коридоре — бежевые с золотистым узором — когда-то выбирала ещё мама, лет пятнадцать назад. В углу, у зеркала, отклеился край, и Юлия всё собиралась его подклеить, но руки не доходили.

Она прошла на кухню, включила свет. Маленькое пространство — стол на двоих, холодильник с магнетиками из городов, где она не была (привозили коллеги), плита, на которой она готовила раз в неделю, потому что на большее не хватало сил.

Шпуля сидела у своей миски и смотрела.

— Сначала таблетка, потом ужин, — строго сказала Юлия. — Правила есть правила.

Кошка фыркнула, но не сопротивлялась, когда Юлия взяла её на руки, запрокинула голову и ловким движением засунула маленькую белую таблетку в пасть. Проглотила. Шпуля мотнула головой, недовольно мявкнула, спрыгнула и уставилась на миску с удвоенным требованием.

— Вот теперь ужин.

Паштет — куриный, для кошек с проблемами почек, дорогой и невкусно пахнущий — лёг в миску. Шпуля принялась за еду с сосредоточенностью хирурга. Юлия смотрела на неё и чувствовала, как что-то тёплое разливается в груди. Хоть кто-то ждёт её дома.

Чайник вскипел. Она заварила дешёвый пакетик — "Липтон", купленный в "Пятёрочке" на распродаже. Достала из холодильника вчерашние макароны, разогрела в микроволновке. Села за стол.

Тишина.

За окном гудела Москва — машины, далёкие сирены, чья-то музыка снизу. Здесь, на пятом этаже хрущёвки, всё это сливалось в белый шум. Фон жизни других людей.

Юлия доела макароны. Помыла кружку. Вытерла руки полотенцем с вышитыми розочками — тоже от матери, которая верила, что быт должен быть красивым.

Прошла в комнату.

Диван — старый, но удобный, с пледом, который она сама связала в каком-то порыве домашнего энтузиазма пять лет назад. Телевизор напротив. Шкаф с книгами, которые она давно не читала. На подоконнике — три горшка с фикусом, который отказывался расти, но и умирать не собирался. Упрямый, как она сама.

Шпуля запрыгнула на диван, устроилась рядом, свернулась клубком. Тёплая. Живая.

Юлия включила Netflix — продолжение сериала, который смотрела уже три недели. "Эмили в Париже". Красивая девушка, красивый город, красивые мужчины, красивые проблемы, которые решаются за сорок минут экранного времени. Всё ненастоящее. Всё идеальное.

Она натянула плед на ноги, положила голову на подлокотник дивана. Шпуля замурлыкала — тихо, как старый мотор. На экране Эмили целовалась с кем-то на фоне Эйфелевой башни.

Юлия зажмурилась.

Где-то в глубине грудной клетки что-то сжалось — не больно, но ощутимо. Как будто невидимая рука обхватила сердце и чуть сдавила. Напоминание.

Тридцать два года. Однушка. Кошка. Блузка с пятном. Папка с фотографиями чужих жизней. Сериал про счастье, которого не будет.

И ничего не изменится. Завтра она встанет в семь утра, выпьет растворимый кофе, наденет другую блузку — может, серую, может, бордовую, без разницы — и поедет в офис на тридцать четвёртый этаж. Цифры. Отчёты. Плакат с Мальдивами. И снова домой. И снова тишина.

Колесо. Беговое колесо для хомяка.

На экране заиграла весёлая музыка. Эмили смеялась. Юлия открыла глаза, посмотрела на потолок — там, в углу, старое пятно от протечки, которое она тоже всё собиралась закрасить.

— Всё хорошо, — прошептала она в пустоту. — Всё нормально.

Шпуля мурлыкала.

Сериал шёл.

Юлия закрыла глаза и провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, как падение в колодец, где на дне ничего нет.

Только тишина.

И завтра будет точно так же.

ГЛАВА 2: «ПЯТНИЦА С АЛИНОЙ И НАТАШЕЙ»

— Ещё по одной! — Алина подняла руку, подзывая официантку, и её браслеты — дешёвая бижутерия, купленная на рынке — звякнули, как колокольчики. — Юль, не смей отказываться! Пятница, между прочим!

Юлия посмотрела на свой бокал — почти полный, вино кислое, из тех, что стоят триста рублей и оставляют послевкусие картона. Караоке-бар "Ретро" на Таганке не претендовал на изысканность: красная подсветка, потёртые диваны, сцена размером с письменный стол и звук, который хрипел на высоких нотах. Зато было дёшево, близко к метро и полно таких же, как они — уставших, не слишком молодых, жаждущих хотя бы на пару часов почувствовать себя живыми.

— Давай, — сдалась она. — Но это последний. Завтра же суббота...

— Суббота! — фыркнула Наташа, закуривая сигарету, несмотря на закон о запрете курения в общественных местах. Здесь на это закрывали глаза. — У тебя что, грандиозные планы? Поход в "Ашан" и стирка?

Юлия хмыкнула. Наташа попала в точку.

Официантка — девушка лет двадцати с усталым лицом и ярко-розовыми волосами — принесла графин. Вино плеснулось в бокалы. Алина подняла свой, чуть расплескав на стол.

— За нас, девочки! За то, что мы ещё держимся!

— За то, что не сдохли, — уточнила Наташа и расхохоталась — громко, с надрывом.

Они чокнулись. Выпили.

Вино обожгло горло. Юлия поморщилась, но допила. Тепло разлилось в животе — не приятное, а тяжёлое, липкое. В колонках заиграла песня — что-то про любовь, которая прошла. Кто-то на сцене пел фальшиво, но с чувством. Зал подпевал.

— А помнишь, — Алина облокотилась на стол, подперев подбородок рукой, — как мы на четвёртом курсе говорили, что к тридцати у нас будет всё? Карьера, квартиры, мужья?

Юлия вспомнила. Универ, общага, ночи с дешёвым вином — но тогда оно казалось вкуснее — и разговоры до утра. Они строили планы, как архитекторы небоскрёбов. Алина собиралась стать арт-директором в крутом агентстве. Наташа — журналисткой в глянце. Юлия... Юлия хотела путешествовать. Открыть своё дело. Или хотя бы просто жить, а не выживать.

— Помню, — тихо сказала она.

— И что мы имеем? — Алина опрокинула ещё полбокала. Щёки её порозовели. — Я — менеджер в конторе, которая торгует пластиковыми окнами. Муж пьёт. Не сильно, но стабильно. Каждый вечер. Приходит, плюхается на диван, пиво, футбол, храп. Романтика, блин.

— У меня хоть мужа нет, — встрялась Наташа, затаиваясь. — Зато есть начальница-стерва, которая считает, что я должна работать за двоих, потому что "молодая, энергичная". Мне тридцать один, Юль. Я уже не молодая. Я уже уставшая.

Они посмотрели на Юлию.

— Ну а ты чего молчишь? — подтолкнула её Алина. — Ты-то как?

Юлия пожалала плечами.

— Да так же. Отчёты, цифры, кошка. Мама звонит, сватает сына подруги. Тридцать пять лет, разведён, "хороший мальчик".

— И что, пойдёшь? — Наташа прищурилась.

— Не знаю. Наверное, нет.

— Правильно, — кивнула Алина. — Все эти "хорошие мальчики" — либо маменькины сынки, либо с приветом. А то и оба сразу. Лучше одной, чем с кем попало.

— Легко говорить, когда есть хоть кто-то, — пробормотала Наташа, глядя в свой бокал.

Повисла неловкая тишина. На сцене кто-то начал петь "Группу крови". Зал подхватил хором. Юлия почувствовала, как что-то сжимается в груди — то же самое, что вчера на диване. Тоска. Глухая, вязкая, без имени.

Алина первая очнулась, хлопнула ладонью по столу.

— Всё! Хватит ныть! Юль, иди пой!

— Что? — Юлия вздрогнула. — Нет, я не...

— Иди! Тебе надо! Ты ж любишь петь!

— Любила. В универе.

— Вот и вспомни! Давай, живо!

Наташа подхватила:

— Давай-давай! Спой что-нибудь про свободу! Про то, что мы ещё живы!

Они подталкивали её, смеялись, и Юлия, против воли, улыбнулась. Вино ударило в голову — не сильно, но достаточно, чтобы сопротивление показалось глупым. Она встала, пошатнулась — каблуки и три бокала — и направилась к стойке, где сидел диджей с планшетом.

— Что петь будем? — спросил он, не отрывая глаз от экрана.

Юлия задумалась. Потом выдохнула:

— "Я свободен". Кипелов.

Диджей хмыкнул, нашёл трек, кивнул на сцену.

Юлия поднялась по двум ступенькам. Свет ударил в глаза — тусклый, красноватый, но всё равно яркий после полумрака зала. Микрофон в руке был тяжёлым. Знакомая мелодия. Она закрыла глаза, сделала вдох.

И запела.

Голос дрогнул на первых словах, но потом окреп, пошёл. Она не попадала в ноты идеально — не Кипелов, конечно, — но пела с чувством, выдавливая из себя каждую строчку. Про крылья за спиной. Про небо. Про то, что никто не властен над её судьбой.

Ложь, конечно. Красивая, громкая ложь.

Но на эти три минуты она поверила в неё.

Зал молчал, потом зааплодировал. Кто-то свистнул. Алина и Наташа вскочили, хлопая в ладоши и визжа, как школьницы. Юлия слезла со сцены, и ноги подкашивались — не от вина, от чего-то другого. От того, что на мгновение она почувствовала себя живой.

— Ты красотка! — Алина обняла её, пахнув дешёвыми духами и сигаретным дымом. — Вот видишь! Надо чаще выбираться из своей скорлупы!

Юлия села, допила остывшее вино. Сердце колотилось. Щёки горели.

Может, Алина права.

Может, надо.

— Внимание! Внимание всем гостям "Ретро"! — голос диджея прорезал шум. — У нас сегодня пятничный розыгрыш от наших партнёров! Три счастливичика получают призы! Все, кто сделал заказ, автоматически участвуют! Розыгрыш через пять минут!

— О, блин, может, нам повезёт, — хихикнула Наташа. — Я бы не отказалась от бутылки шампанского.

— Ага, как же, — скептически протянула Алина. — Повезёт кому-нибудь из своих. Всегда так.

Но любопытство взяло своё. Зал притих. Диджей вытащил из-под стойки какую-то картонную коробку, потряс ей.

— Тянем билетки! Первый счастливичик!

Вытащил бумажку, назвал имя. Какой-то парень на другом конце зала заорал от радости, получил бутылку вина. Второй приз — сертификат в кафе — ушёл девушке в синем платье. Она пискнула от восторга.

— И последний, самый интересный приз! — Диджей сделал паузу для драматизма. — Специальное приглашение на закрытую вечеринку от нашего эксклюзивного партнёра!

Он вытащил билет, прищурился.

— Юлия! Столик номер семь!

Алина взвизгнула. Наташа ударила Юлию по плечу.

— Это ты! ТЫ! Юль, вставай, иди!

Юлия замерла. Не может быть. Она никогда ничего не выигрывала. Ни разу в жизни. Даже в школьной лотерее ей достался дурацкий ластик, когда все остальные тянули игрушки.

— Юлия, столик семь? Есть тут кто? — повторил диджей, оглядывая зал.

— Иди уже! — Алина буквально вытолкнула её из-за стола.

Юлия встала, прошла к стойке, чувствуя, как на неё смотрят. Диджей протянул ей конверт. Не обычный белый, а из плотной, вощёной бумаги, бежевого цвета, с тиснённым логотипом. Буква Х, стилизованная под росчерк пера. Элегантная. Дорогая.

— Поздравляю, — ухмыльнулся он. — Тебе крупно повезло.

Она взяла конверт. Он был тяжёлым, как будто внутри не бумага, а что-то весомое. Вернулась к столику. Алина и Наташа уже наклонились, глаза горят.

— Открывай! Давай, открывай!

Юлия провела ногтем по краю конверта. Внутри — карточка. Плотная, текстурная, цвета слоновой кости. Тиснённый текст — золотыми буквами, изящным шрифтом, который выглядел, будто его выводили вручную.

«Ваша удача ждёт Вас. Закрытый вечер избранных. Дресс-код: дерзость. Суббота, 21:00. Клуб "Эмпирей", Остоженка, 12.»

Алина вырвала карточку из её рук, уставилась, потом ахнула.

— Юль. ЮЛИЯ. Это же "Эмпирей"! Ты понимаешь?!

— Что? — Юлия моргнула.

— "Эмпирей"! Это ж самый элитный клуб Москвы! Туда не попадёшь просто так! Там бывают миллионеры, олигархи, артисты! Там вход — от пятидесяти тысяч рублей!

Наташа перегнулась через стол, схватила карточку.

— О господи. Это правда. Смотри, какая бумага. Какой логотип. Это не фейк, Юль. Это... это приглашение на настоящую закрытую тусу.

— Не может быть, — пробормотала Юлия. — Почему я? Это же... это розыгрыш в баре за триста рублей. Тут какая-то ошибка.

— Никакой ошибки! — Алина трянула её за плечи. — Это судьба, Юль! СУДЬБА! Ты должна пойти! Может, там будет... ну не знаю, какой-нибудь красавец-миллионер! Или продюсер! Или...

— Или хотя бы просто красиво, дорого, интересно, — добавила Наташа, затягиваясь. — Юль, ты всю жизнь мечтаешь о чём-то таком. Вот оно. Прямо в руках.

Юлия посмотрела на карточку. Тиснение было настолько чётким, что буквы казались объёмными. Она провела пальцем по логотипу. Гладко. Дорого. Настоящее.

— Меня там засмеют, — тихо сказала она. — У меня нет платья. Нет туфель. Я... я не для таких мест.

— Плевать! — Алина стукнула кулаком по столу. — Ты пойдёшь! Мы тебе что-нибудь найдём! У меня есть чёрное платье, оно тебе подойдёт! Наташа, у тебя же туфли на шпильке есть?

— Есть. Тридцать седьмой размер, но можно стельку подложить.

— Вот! Проблемы решаемы! Юль, ты ОБЯЗАНА пойти. Если не ради себя, то ради нас! Мы будем жить этим целый год!

Юлия посмотрела на подруг. На их раскрасневшиеся, возбуждённые лица. На бокалы с дешёвым вином. На зал, где под фанеру пели про любовь люди, которые, как и она, давно забыли, что это такое.

— Я подумаю, — выдохнула она.

— Думать нечего! — Наташа ткнула пальцем в карточку. — Ты идёшь. Точка.

Алина подняла свой бокал.

— За Юлькину удачу! За то, что жизнь иногда подкидывает сюрпризы!

Они выпили. Юлия допила своё вино — уже тёплое, почти горячее — и спрятала карточку обратно в конверт.

Внутри, под рёбрами, что-то затрепетало. Не надежда. Что-то меньше. Может быть, просто любопытство. Или страх.

Суббота. Завтра.

"Эмпирей".

Не может быть, чтобы это было правдой.

Дома было тихо. Шпуля спала на диване, свернувшись калачиком. Юлия стянула туфли, прошла на кухню, налила себе воды. Голова гудела — не сильно, но ощутимо. Вино, шум, пение. Она допила стакан, поставила в раковину.

Конверт лежал в сумке. Она вытащила его, положила на стол. Свет над плитой — единственный включённый — падал на карточку, и буквы мерцали золотом.

«Ваша удача ждёт Вас».

Юлия села на стул, взяла карточку в руки. Повертела. Понюхала — пахло чем-то тонким, почти неуловимым. Дорогими духами? Или просто качественной бумагой?

Она представила себя там. В клубе "Эмпирей". В платье — чужом, не по размеру. В туфлях, которые жмут. Среди людей, одетых в вещи, стоящие как её годовая зарплата. Что она будет там делать? Стоять в углу с бокалом шампанского, которое не умеет пить? Улыбаться, когда кто-то небрежно спросит, чем она занимается, и потом потеряет к ней интерес после слова "бухгалтер"?

"Меня там примут за служанку."

Она положила карточку на стол, встала. Шпуля подняла голову, сонно моргнула.

— Глупости, правда? — тихо спросила Юлия.

Кошка зевнула, показав розовый язык и острые зубы, и снова свернулась клубком.

Юлия прошла в комнату, легла на диван, не раздеваясь. Закрыла глаза. Но сон не шёл. Карточка лежала на кухонном столе. И манила. Тихо, настойчиво, как голос из детской сказки.

«Дерзость».

Она никогда не была дерзкой. Может, пора попробовать? Юлия повернулась на бок, уткнулась лицом в подушку. Завтра. Завтра решу.

Но в глубине души она уже знала.

Она пойдёт.

ГЛАВА 3: «КАК ЗОЛУШКА, ТОЛЬКО БЕЗ ФЕЙ»

— Вот это да! — Алина вытащила с вешалки платье и встряхнула его, как знамя победы. Блёстки посыпались на пол торгового центра "Рио" мелкими искрами. — Юль, смотри! Вот оно!

Юлия уставилась на платье. Короткое — очень короткое. Чёрное, облепленное пайетками, которые переливались в свете ламп всеми цветами радуги. Глубокий вырез. Открытая спина. Узкие бретельки-ниточки. Ценник: 3 900 рублей. Скидка — 50%. Бренд, о котором она никогда не слышала: что-то с итальянским названием, но явно сшитое в Китае.

— Это... это слишком, — пробормотала Юлия.

— Что слишком? — Наташа подскочила, оценивающе прищурилась. — Самое то! Ты же идёшь в клуб для избранных, а не на похороны! Там надо выделяться!

— Я и так буду выделяться. Не в ту сторону.

— Прекрати, — Алина сунула платье ей в руки. — Ты красивая. Просто никогда не показываешь это. Иди примерь. Живо.

Юлия посмотрела на платье. Ткань была скользкой, дешёвой на ощупь. Блёстки кололи пальцы. Она вспомнила фотографии из своей тайной папки — девушки на светских вечеринках в платьях от Valentino и Dior, сдержанных, элегантных, стоящих как годовой бюджет небольшой страны. Вот это — не то. Совсем не то.

Но куда ей до Valentino?

— Давай, — Наташа подтолкнула её к примерочной. — Не тяни.

Примерочная была узкой, с зеркалами по трём стенам и жёлтым светом, который делал кожу болезненно-серой. Юлия стянула джинсы и свитер, натянула платье. Молния на боку застегнулась с трудом — в талии сидело плотно, почти впритык. Она посмотрела на своё отражение.

Три Юлии смотрели на неё из зеркал. Незнакомые.

Платье обтягивало бедра, едва прикрывало задницу. Грудь — не слишком большая, но в этом вырезе казалась откровенной. Плечи голые. Ноги длинные, белые, слегка полноватые в бёдрах. Блёстки переливались, как чешуя рыбы, выброшенной на берег.

— Ну что там? — крикнула Алина снаружи. — Показывай!

Юлия вышла. Подруги присвистнули.

— О боже! — Наташа всплеснула руками. — Юль, ты секси! Я серьёзно!

— Бомба, — кивнула Алина. — Мужики там с ума сойдут.

— Оно короткое, — Юлия дёрнула подол вниз, но он тут же задрался обратно. — Очень короткое. И блестит, как ёлочная игрушка.

— И отлично! — Алина развернула её к зеркалу. — Ты ж не на собеседование идёшь. "Дерзость", помнишь? Вот она, дерзость. Берём!

— Но...

— Никаких "но". Берём. Точка.

Юлия посмотрела на ценник. Почти две тысячи со скидкой. Это неделя на еду. Или лекарство для Шпули на месяц.

Но когда она ещё пойдёт в такое место?

— Хорошо, — выдохнула она. — Беру.

Алина закричала от восторга и обняла её так, что блёстки впечатались в щёку.

Туфли нашли в "Эконике" — чёрные, лаковые, на шпильке двенадцать сантиметров. Юлия примерила, прошла — почти упала. Пальцы сразу начали неметь. Подошва казалась сделанной из картона.

— Идеальные, — заключила Наташа. — В них ты будешь на пять сантиметров выше. Визуально стройнее. Берём.

— Они убьют меня, — слабо возразила Юлия.

— Потерпишь. Красота требует жертв.

Ещё две тысячи триста. Юлия расплатилась картой и почувствовала, как в животе что-то холодное сжалось. Четыре с лишним тысячи. На что она подписалась?

Сумочку — маленький клатч с золотой цепочкой — одолжила Алина. "У меня их три, с одного раза не изнашивается". Бижутерию — тонкую цепочку на шею и серьги-капельки — дала Наташа. "Будешь выглядеть дорого".

Дорого.

Юлия посмотрела на пакеты в своих руках и подумала: всё это выглядит дешево. Очень дешево. Но это всё, что у неё есть.

— Завтра в шесть приедем к тебе делать макияж и укладку, — сказала Алина на прощание у метро. — Не вздумай сама что-то намазывать!

— Ладно, — пообещала Юлия.

Они разошлись. Юлия ехала в метро, держа пакеты на коленях, и смотрела на своё отражение в тёмном окне вагона. Бледное лицо. Усталые глаза. Простая куртка.

Завтра ты будешь другой, сказала она себе.

Но не поверила.

Суббота прошла в тумане.

Алина и Наташа нагрянули ровно в шесть, с косметичками размером с чемодан и бутылкой дешёвого игристого — "для храбрости". Шпуля, услышав чужие голоса, забилась под кровать и отказалась вылезать.

— Умная кошка, — пробормотала Юлия, глядя на её светящиеся в темноте глаза.

— Что? — переспросила Алина, уже роясь в ванной в поисках фена.

— Ничего.

Они усадили её перед зеркалом в прихожей — единственным, где можно было разглядеть себя в полный рост. Наташа взялась за волосы, Алина — за макияж. Юлия сидела, как манекен, и чувствовала, как её лицо и голова превращаются в чужие.

— Закрой глаза, — скомандовала Алина и провела кистью по веку. Что-то колючее. Тени? — Не моргай.

Юлия не моргала. Пальцы Алины были уверенными, быстрыми, профессиональными — она когда-то училась на курсах визажистов, но бросила. "Не моё", сказала тогда. Теперь красила подруг за бутылку вина и возможность поговорить.

— Губы, — Алина провела помадой — яркой, тяжёлой. — Сожми, разожми. Хорошо. Теперь не трогай.

Наташа крутила волосы на плойку, сбрызгивала лаком. Запах химии забил маленькую прихожую. Юлия закашлялась.

— Потерпи, — Наташа дёрнула за прядь. — Почти готово.

Через час они отступили, как художники от законченного полотна.

— О господи, — прошептала Алина. — Юль. Посмотри на себя.

Юлия открыла глаза.

В зеркале была незнакомка.

Волосы — не просто уложенные, а взбитые в немыслимый объём, зачёсанные набок, блестящие от лака. Лицо — белое от тонального крема, с тёмными стрелками на глазах — длинными, острыми, как у египетских цариц. Румяна ложились резкими пятнами на скулы. Губы — алые, глянцевые, почти неприличные.

Она выглядела... как?

Не как Юлия Ветрова, бухгалтер из "Одиссеи".

Как кто-то, играющий роль роковой женщины в дешёвом клипе.

— Ты красотка, — выдохнула Наташа. — Серьёзно. Надевай платье, и пошли фотки!

Юлия молча встала, прошла в комнату, натянула платье. Молния застегнулась ту же, чем вчера — наверное, от волнения она съела полпачки печенья. Туфли. Клатч. Серьги.

Она вернулась к зеркалу.

Три незнакомки снова смотрели на неё. Блестящие, яркие, кричащие.

Не я, подумала она. Совсем не я.

— Ну что скажешь? — Алина стояла рядом, довольная собой.

Юлия открыла рот, закрыла. Что сказать? Спасибо? Что вы сделали из меня клоуна?

— Красиво, — солгала она. — Спасибо.

— Ну вот! — Наташа чмокнула её в щёку, размазав помаду. — Теперь ты готова покорять миллионеров!

Они налили игристого, выпили за её успех. Юлия допила свой бокал и почувствовала, как тепло растекается по венам. Не спокойствие. Не храбрость. Просто лёгкое онемение.

В девять вечера они вызвали ей такси, обнялись на прощание и исчезли, оставив в квартире запах лака и духов.

Юлия осталась одна. Стояла перед зеркалом и смотрела на чужое отражение.

Надо меняться, сказала себе. Рискнуть. Мама права — так жить нельзя. Надо хотя бы попробовать.

Под кроватью что-то зашуршало. Шпуля высунула мордочку, посмотрела на неё жёлтыми глазами и снова скрылась.

Даже кошка не узнаёт, с горечью подумала Юлия.

Телефон вибрировал. Сообщение от Яндекс-такси: "Ваш водитель подъехал".

Она схватила клатч, накинула пальто — единственное приличное, тёмно-синее — и вышла из квартиры.

Назад пути не было.

Водитель — мужчина лет пятидесяти с усталым лицом — молча вёз её по вечерней Москве. Юлия смотрела в окно. Город сиял огнями, как всегда. Красивый, равнодушный, чужой.

Пальцы сами нащупали шрам на запястье. Потёрла. Раз. Второй.

— Вы на свидание? — вдруг спросил водитель, глядя в зеркало заднего вида.

Юлия вздрогнула.

— Нет. На вечеринку.

— А, понятно. Красиво выглядите.

— Спасибо.

Он снова замолчал. Юлия была благодарна за молчание.

Машина свернула на Остоженку. Старинные особняки, дорогие бутики, тишина богатства. Здесь даже воздух был другим — не городским, тяжёлым, а каким-то разреженным, прозрачным, будто деньги умели покупать кислород.

— Вот, номер двенадцать, — сказал водитель, притормаживая.

Юлия выглянула из окна. Перед ней высился клуб "Эмпирей".

Стекло и сталь. Три этажа. Огромные панорамные окна, за которыми мерцал золотистый свет. У входа — широкая лестница из чёрного мрамора, по краям — кованые перила с узором, похожим на крылья. На ступенях — люди.

Юлия замерла.

Они были... другими.

Мужчины в смокингах — не дешёвых, взятых напрокат, а настоящих, сшитых по фигуре, чёрных, как ночь, с белоснежными рубашками и бабочками. Женщины в вечерних платьях — длинных, струящихся, сдержанных, но безумно дорогих. Никаких блёсток. Никаких вырезов

до пупа. Только ткань, крой, линии. Шёлк, бархат, атлас. Цвета — чёрный, бордовый, изумрудный, тёмно-синий. Украшения — настоящие. Даже отсюда, из такси, она видела, как на шеях и запястьях вспыхивают бриллианты.

Её платье — блестящее, короткое, кричащее — будет смотреться на их фоне как... как...

Как будто она пришла на похороны в карнавальном костюме.

— Вы выходите? — напомнил водитель.

— Да, — прохрипела она. — Сейчас.

Пальцы дрожали, когда она доставала деньги. Расплатилась, вышла. Дверь захлопнулась за спиной. Такси уехало, оставив её одну на тротуаре.

Холодный ноябрьский воздух ударил в лицо. Она сделала шаг — и чуть не упала. Шпильки. Чёртовы шпильки. Ещё шаг. Теперь осторожнее.

Она подошла к лестнице. У входа стояли двое охранников — огромные, в чёрных костюмах, с наушниками и микрофонами. Один из них — с лицом, похожим на плиту — посмотрел на неё. Взгляд скользнул по платью, по туфлям, по лицу. Оценил. Нашёл что-то не то.

Юлия почувствовала, как щёки вспыхивают под слоем тонального крема.

— Приглашение, — коротко бросил охранник.

Она полезла в клатч. Пальцы не слушались. Конверт. Карточка. Вот. Протянула.

Охранник взял, поднёс к глазам. Изучал долго — слишком долго. Переглянулся с коллегой. Тот пожал плечами.

— Проходите, — наконец сказал первый, возвращая карточку.

Но в голосе прозвучало что-то. Недоумение. Или сомнение.

Юлия кивнула, спрятала приглашение, шагнула на лестницу.

Туфли цокали по мрамору. Каждый шаг отдавался болью в пальцах. Впереди — двери. Высокие, резные, из тёмного дерева, с медными ручками в форме львиных голов.

Она оглянулась.

Такси давно уехало. Подруги были на другом конце города. Отступать некуда.

Юлия толкнула дверь.

И шагнула внутрь.

ГЛАВА 4: «СЕРОЕ ПЯТНО НА АЛМАЗНОМ ПОЛУ»

Внутри "Эмпирея" было тихо.

Не та тишина, что бывает в пустых комнатах или ночных улицах. Другая. Дорогая. Наполненная.

Юлия остановилась на пороге, и на мгновение забыла дышать.

Зал был огромным — высокие потолки, украшенные лепниной, которая казалась вырезанной из слоновой кости. Люстры — не хрустальные, а какие-то современные, минималистичные, источающие мягкий золотистый свет, который не резал глаза, а обволакивал, как мёд. Пол — чёрный мрамор с тонкими белыми прожилками, отполированный до зеркального блеска. Колонны — высокие, тёмные, с золотыми вставками. Стены — обитые бархатом цвета старого бордо.

На дальней стене, у рояля, сидел пианист и играл что-то тихое, медленное, без слов. Мелодия струилась по залу, как вода по камням.

Столики — низкие, изящные, расставленные так, чтобы каждый был отдельным островом. За ними сидели люди. Разговаривали. Смеялись — негромко, сдержанно. Пили из высоких бокалов. Двигались плавно, как будто каждый жест был отрепетирован.

Это был не клуб.

Это был другой мир.

Юлия сделала шаг вперёд. Каблуки громко стукнули по мрамору — слишком громко. Несколько голов повернулись. Взглянули. Задержались на секунду.

На её платье.

На блёстках, которые при свете люстр вспыхивали, как новогодняя гирлянда.

Один мужчина — седой, в безупречном смокинге — чуть приподнял бровь. Женщина рядом с ним — высокая, в длинном чёрном платье, с жемчугом на шее — прикрыла рот рукой и что-то шепнула подружке. Та усмехнулась.

Юлия почувствовала, как по спине пополз холод.

Они не сказали ни слова. Не нужно было. Их взгляды говорили всё.

Ты не отсюда.

Она прижала клатч к груди и быстро — насколько позволяли шпильки — пошла к ближайшей колонне. Встала за ней, будто это было укрытие. Прислонилась спиной к холодному камню.

Дыши. Просто дыши.

Мимо прошёл официант — молодой человек с лицом фотомодели, в белой рубашке и чёрном жилете. На подносе — высокие бокалы с шампанским. Он остановился рядом.

— Желаете? — Голос вежливый, но без тепла.

— Да. Спасибо.

Она взяла бокал. Пальцы дрожали. Официант заметил, но ничего не сказал. Кивнул и ушёл, скользя между столиками, как тень.

Юлия поднесла бокал к губам. Сделала глоток.

Шампанское было холодным, сухим — таким сухим, что вязло во рту. Она привыкла к сладкому игристому из "Пятёрочки", которое пили с подругами. Это было другое. Дорогое. Правильное.

Противное.

Она допила треть бокала и огляделась.

Люди продолжали разговаривать, смеяться, пить. Никто больше не смотрел на неё. Она перестала быть интересной. Её зафиксировали, оценили, отбросили. Серое пятно на алмазном полу.

Юлия стояла у колонны и думала: что я здесь делаю?

Где тот миллионер, о котором визжала Алина? Где продюсер, который заметит её и скажет: "Вы именно та, кого я искал"? Где хоть кто-то, кто улыбнётся? Подойдёт? Заговорит?

Никого не было. Она была невидимкой. Как всегда.

Только теперь — в дурацком блестящем платье.

Она простояла у колонны минут десять — или час, время потеряло смысл — и допила первый бокал. Второй официант прошёл мимо, и она взяла ещё один. Выпила быстрее. Алкоголь начал действовать — не веселье, не расслабление, а тупая, вязкая апатия.

Надо что-то делать.

Нельзя просто стоять тут, как манекен.

Юлия оттолкнулась от колонны, выпрямилась. Огляделась. У бара — длинной стойки из тёмного дерева с подсветкой снизу — стоял мужчина. Один. Спиной к ней.

Высокий. Широкие плечи под пиджаком. Волосы тёмные, коротко стрижены. Держал бокал с чем-то янтарным — виски? коньяк?

Симпатичный. Наверное.

Юлия сглотнула. Пальцы сами потянулись к шраму на запястье. Потёрла.

Давай. Просто подойди. Скажи что-нибудь. "Привет". "Добрый вечер". "Вы часто здесь бываете?" — нет, это глупо.

Она сделала шаг. Второй. Каблуки цокали. Сердце колотилось где-то в горле.

Мужчина обернулся.

Лицо — правильное, красивое. Лет тридцать пять, может, сорок. Лёгкая щетина, тёмные глаза, прямой нос. Губы поджаты. Он смотрел на неё — не долго, секунды две — и Юлия успела увидеть: оценка, скольжение взгляда по платью, подъём обратно к лицу. Что-то мелькнуло в глазах. Не интерес. Что-то другое.

Недоумение?

— Добрый вечер, — выдохнула Юлия. Голос прозвучал слишком высоко. Она откашлялась. — Я... вы... это...

Он ждал.

Чёрт. Что дальше?

— Вы часто здесь бываете? — выпалила она, и в ту же секунду возненавидела себя.

Мужчина моргнул. Потом улыбнулся — вежливо, без тепла. Так улыбаются продавцам, которые пытаются что-то впарить.

— Извините, — сказал он, и голос был мягким, но непробиваемым. — Я жду свою жену.

Пауза.

Юлия кивнула. Улыбнулась — губы растянулись сами, механически.

— Конечно. Извините.

Она развернулась и пошла прочь. Быстро. Не оглядываясь.

Туфли цокали. Лицо горело. Глаза щипало.

Идиотка. Дура. Конечно, он женат. Конечно, он не хочет с тобой разговаривать. Посмотри на себя. Посмотри на это дурацкое платье. На этот макияж. На эти туфли, которые ты купила за последние деньги.

Ты выглядишь жалко.

Ты и есть жалкая.

Она дошла до противоположного края зала — там, где были огромные окна от пола до потолка, за которыми виднелась ночная Москва. Прислонилась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза.

Дыши. Не реви. Не сейчас. Не здесь.

Но слёзы уже подступали — горячие, тяжёлые, давящие изнутри. Ком в горле. Жжение в носу.

Она зажмурилась сильнее.

Зачем я пришла?

Зачем согласилась?

Минуты тянулись, как часы. Юлия стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу, и пыталась собрать себя по кускам. За спиной — шёпот разговоров, тихая музыка, звон бокалов. Чужая жизнь. Красивая. Недоступная.

Она открыла глаза, посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Размазанная тушь. Слишком яркие губы. Блёстки, которые казались теперь не дерзкими, а дешёвыми. Клоун в зеркале.

Хватит, подумала она. Хватит. Уходи. Пока никто не увидел, как ты плачешь.

Она оттолкнулась от окна, вытерла глаза тыльной стороной ладони — тушь размазалась ещё сильнее, но плевать — и развернулась.

Зал расплывался перед глазами. Люди. Столики. Колонны. Двери.

Выход.

Юлия пошла к нему. Медленно. Шаг за шагом. Туфли убивали ноги — пальцы онемели, пятки натёрлись до крови, наверное. Но это было неважно. Главное — пройти. Выйти. Забыть.

Мимо столиков. Мимо бара. Мимо пианиста, который играл что-то печальное, будто специально для неё.

Ещё несколько шагов. Почти.

Рука потянулась к двери — львиная голова, медная, холодная. Пальцы коснулись ручки.

Сейчас. Сейчас она толкнёт дверь, выйдет на улицу, вызовет такси и поедет домой. К Шпуле. К дивану. К сериалу. Туда, где всё знакомо, безопасно, серо.

Туда, где она знает своё место.

Юлия сжала ручку.

И тут, за спиной, раздался голос. Низкий. Спокойный. Бархатный.

— Уже покидаете нашу маленькую вселенную?

Она замерла.

— А ведь вы только что зажгли в ней новую звезду.

Сердце пропустило удар.

Юлия обернулась.

ГЛАВА 5: «ОН»

В трёх шагах от неё стоял мужчина.

Юлия не сразу смогла сфокусировать взгляд — слёзы ещё не высохли, свет размывался. Она моргнула раз, другой. Мир собрался в чёткую картинку.

И она перестала дышать.

Он был... нет, "красивый" не подходило. Слишком просто. Слишком банально для того, что она видела.

Ему было за сорок — это читалось в благородной проседи у висков, в едва заметных морщинках у глаз, в той уверенности, которая приходит только с годами. Но тело — высокое, подтянутое, с широкими плечами и прямой спиной — выдавало силу и грацию. Не тренажёрного качка, а фехтовальщика. Танцора. Хищника.

Волосы — тёмно-каштановые, зачёсаны назад, с серебристыми прядями в висках, которые не старили, а добавляли... аристократизма. Как у героя старого фильма. Как у персонажа с обложки книги, которую стыдно читать в метро.

Лицо — точёное, с высокими скулами и прямым носом. Губы — чёткие, не полные, но выразительные. Лёгкая щетина, идеально подстриженная.

Но главное — глаза.

Цвета старого коньяка, тёплого, с золотистыми искрами в глубине. Они смотрели на неё не так, как смотрели все остальные. Не оценивающе. Не с недоумением. Не сквозь.

В неё.

Сквозь неё.

Как будто он видел что-то, что она сама не знала о себе.

Юлия не могла оторвать взгляд.

Он был одет в костюм — тёмно-синий, почти чёрный, безупречно сидящий на фигуре. Белая рубашка, расстёгнутая на две пуговицы у горла. Никакого галстука. На запястье — часы, тонкие, дорогие, блеснувшие золотом в приглушённом свете.

Он стоял свободно, расслабленно, руки в карманах брюк, и при этом — ни капли небрежности. Каждая линия его тела говорила о контроле. О силе. О том, что этот человек привык быть центром любого пространства, не прилагая к этому усилий.

Он улыбнулся.

Не широко. Не зубасто. Едва заметно — уголки губ чуть поднялись, в глазах мелькнули лучики морщин. Но в этой улыбке было столько тепла, что Юлия почувствовала, как что-то в груди сжалось, а потом разжалось, выдохнув.

— Простите, — сказал он, и голос — низкий, бархатный, с лёгким, почти неуловимым акцентом — обволок её, как тёплый плед. — Я не хотел вас напугать. Просто... не мог не остановить.

Юлия открыла рот. Закрыла. Попыталась что-то сказать. Не получилось. Язык не слушался.

Он сделал шаг ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы она уловила запах. Что-то дорогое, сдержанное — дерево, кожа, что-то тёплое и терпкое, что оседало на языке, как вкус дорогого вина.

— Меня зовут Алеф, — он протянул руку. Длинные пальцы. Ухоженные ногти. Кожа чуть смуглая, как будто он недавно вернулся с юга.

Юлия посмотрела на его ладонь, потом на своё отражение в тёмном окне за его спиной — размазанная тушь, красные глаза, дурацкое платье.

— Я... — голос сорвался, она откашлялась. — Юлия.

Рука поднялась сама. Коснулась его ладони.

Тепло.

Странное, почти осязаемое тепло, которое пошло от пальцев вверх по руке, к плечу, к груди. Он сжал её руку — не сильно, но уверенно. Удержал на мгновение дольше, чем требовалось. Большой палец едва ощутимо провёл по её запястью — по шраму, который она всегда трогала, когда нервничала.

Потом отпустил.

— Юлия, — повторил он, и её имя в его устах прозвучало так, будто это было что-то редкое, драгоценное. Не "Юль", как говорили подруги. Не "Ветрова", как окликали на работе. Юлия. Целиком. Красиво. — Мне очень приятно.

Она кивнула, не доверяя голосу.

Он посмотрел на неё ещё мгновение, потом перевёл взгляд чуть в сторону — не отводя, но давая ей передышку. Подумал. Улыбнулся снова, теперь чуть шире.

— Знаете, я видел, как вы вошли, — сказал он задумчиво, будто рассказывал историю. — И честно признаюсь — вы меня очаровали.

Юлия моргнула.

— Что? — прошептала она.

— Вашей энергией, — он сделал неопределённый жест рукой, будто пытался поймать что-то невидимое в воздухе. — Все здесь... — он обвёл взглядом зал, — ...они прекрасны. Идеально причёсаны, идеально одеты, идеально сучны. Как картина, написанная по всем правилам, но без души. А вы...

Он посмотрел на неё — прямо, не отводя взгляда, и Юлия почувствовала, как краснеет.

— Вы — мазок настоящей краски, — договорил он тихо. — Яркой. Живой. Вы не вписываетесь в этот холст. И это... прекрасно.

Юлия стояла и не понимала, что происходит.

Он говорит про меня?

Про меня — в этом дурацком платье, с размазанной тушью и опухшими глазами?

Он смеётся?

Но в его глазах не было насмешки. Только искренность. И что-то ещё. Что-то, от чего сердце забилось быстрее.

— Я... — она запнулась. — Я не... это платье не... я не...

Он поднял руку — мягко, останавливая.

— Вам не нужно объяснять, — сказал он. — Я не говорю о платье. Я говорю о вас. О том, как вы стояли у окна и смотрели на город. О том, как вы вошли в эту дверь, будто переступали порог неизвестного мира. О том, как вы... горите. Изнутри. Тихо, но заметно.

Юлия чувствовала, как глаза снова наполняются слезами — но уже не от стыда. От чего-то другого. Чего она не могла назвать.

Он заметил. Конечно, заметил. Лицо его стало мягче.

— Простите, — он качнул головой. — Я говорю слишком много. И слишком странно, наверное. Вы, должно быть, думаете, что я один из тех назойливых мужчин, которые...

— Нет, — выдохнула Юлия. — Нет, я не... я просто...

Она замолчала, не зная, как закончить.

Он подождал. Не торопил. Просто стоял и смотрел — внимательно, терпеливо, будто у него было всё время мира.

Юлия сглотнула ком в горле.

— Я просто не привыкла, что меня... видят, — прошептала она.

Что-то мелькнуло в его глазах. Печаль? Понимание?

— Тогда те, кто смотрел на вас раньше, были слепы, — сказал он просто.

Пауза.

Юлия не знала, что ответить.

Алеф посмотрел вниз — на её ноги в туфлях на шпильке. Лёгкая усмешка тронула его губы.

— Вам, наверное, смертельно неудобно в этих башмаках, — заметил он, и в голосе прозвучала лёгкая насмешка — не над ней, а над ситуацией. — Я прав?

Юлия невольно усмехнулась.

— Прямо в точку, — призналась она. — Ноги отваливаются.

— Тогда позвольте мне исправить эту несправедливость, — он протянул руку — не касаясь, просто приглашая. — Присядьте. Пожалуйста. Я не могу позволить вам мучиться.

Она посмотрела на его руку. Потом на зал — на столики, где сидели люди, которые смотрели на неё с недоумением.

— Там? — она кивнула в сторону столов. Голос дрогнул.

— О, нет, — Алеф покачал головой. — Не там. Я не предлагаю вам выставлять себя на обозрение. Там, — он указал взглядом в противоположную сторону, где за колонной виднелась арка, — есть маленький будуар. Тихий. Уединённый. Вы сможете перевести дух. И я смогу угостить вас шампанским, которое действительно стоит того, чтобы его пить.

Юлия колебалась.

Незнакомый мужчина. Закрытая комната. Все инстинкты кричали: "Не ходи!"

Но он стоял перед ней — спокойный, открытый, без давления. Не шагал ближе. Не хватал за руку. Просто ждал. Его глаза — тёплые, коньячные — говорили: "Я не обижу тебя".

И она, против всякой логики, поверила.

— Хорошо, — прошептала Юлия.

Он улыбнулся — так, будто она только что подарила ему что-то дорогое.

— Благодарю вас, — сказал он и чуть отступил, пропуская её вперёд. — Прошу, за мной.

Юлия сделала шаг. Второй. Туфли всё ещё убивали, но теперь это было неважно. Она шла через зал — мимо столиков, мимо любопытных взглядов — и чувствовала за спиной его присутствие. Не давящее. Защищающее.

Как будто рядом с ним никто не мог причинить ей вред.

Они прошли через арку.

За ней открылся маленький полукруглый будуар. Мягкие диваны цвета сливок, низкий столик из тёмного дерева, стены, обитые бархатом. Одна стена — полностью стеклянная, с видом на ночную Москву. Свечи в высоких подсвечниках бросали тёплые блики.

Это было похоже на другой мир. Тихий. Безопасный. Красивый.

— Садитесь, пожалуйста, — Алеф указал на диван.

Юлия опустилась на мягкие подушки и почувствовала, как тело выдыхает от облегчения. Ноги больше не держали вес. Пальцы покалывало.

Алеф сел напротив — не рядом, соблюдая дистанцию. Он достал телефон, что-то набрал. Через минуту в дверях появился официант с подносом. Две узких флейты, бутылка в ведёрке со льдом.

— Спасибо, Сергей, — Алеф кивнул. Официант исчез.

Алеф взял бутылку, ловко откупорил — без хлопка, тихо, элегантно. Налил в бокалы. Протянул один Юлии.

— Cristal, — сказал он. — Тысяча девятьсот девяностого года. Надеюсь, вам понравится.

Юлия взяла бокал. Он был холодным, тяжёлым. Хрусталь, наверное.

Она пригубила.

Шампанское было... другим. Не сладким. Не сухим. Сложным. Многослойным. Оно шло по языку, как шёлк, оставляя послевкусие цветов, мёда, чего-то ещё, чего она не могла назвать.

Вкусным.

— Лучше, чем то, что вам давали раньше? — спросил Алеф с лёгкой усмешкой.

Юлия кивнула, не доверяя себе говорить.

Он откинулся на спинку дивана, держа свой бокал в руке, и посмотрел на неё. Долго. Внимательно.

— Расскажите мне о себе, Юлия, — сказал он тихо. — Кто вы? Откуда пришли в эту маленькую вселенную?

Она открыла рот, чтобы ответить — "бухгалтер, тридцать два года, однушка и кошка" — и вдруг поняла:

Он не спрашивает про работу. Он спрашивает про неё. Настоящую.

И впервые в жизни Юлия не знала, что ответить. Потому что впервые в жизни кто-то видел её.

По-настоящему.

ГЛАВА 6: «НАЛЁТ И НОМЕР ТЕЛЕФОНА»

— Расскажите мне о себе, Юлия, — сказал Алеф тихо. — Кто вы? Откуда пришли в эту маленькую вселенную?

Юлия смотрела на свой бокал. Пузырьки поднимались к поверхности — мелкие, ровные, бесконечные. Нурпотис.

— Я... работаю бухгалтером, — начала она и тут же почувствовала, как глупо это звучит. — В туристической фирме. Считаю деньги, которые другие люди тратят на путешествия.

Она усмехнулась — горько, самоуничижительно.

Алеф не улыбнулся. Он смотрел на неё внимательно.

— Это то, чем вы занимаетесь, — сказал он. — Но не то, кто вы. Я спрашиваю не о вашей должности.

Юлия подняла взгляд. Встретилась с его глазами — тёплыми, коньячными, терпеливыми.

— Тогда... я не знаю, — призналась она тихо. — Кто я?

Он наклонил голову, изучая её.

— Позвольте, я попробую по-другому, — он сделал глоток шампанского, не отводя взгляда. — О чём вы мечтаете, когда смотрите в окно офиса? Когда цифры на экране сливаются, и вы позволяете себе на минуту забыть о них?

Юлия замерла.

Никто и никогда не задавал ей таких вопросов.

— Я... — она запнулась. Сказать правду? Про папку с фотографиями? Про Венецию и Париж, которых она никогда не увидит? — Я мечтаю о путешествиях. О местах, где я никогда не была. О том, как было бы — проснуться в другом городе, где никто тебя не знает. Где ты можешь быть кем угодно.

— Кем угодно, — повторил он задумчиво. — Или собой? Настоящей?

Она посмотрела на него. Он не отводил взгляда.

— Может быть, — прошептала она.

— А что вас злит? — он откинулся на спинку дивана, но поза была расслабленной, открытой. — В этом городе. В этой жизни. Что заставляет вас сжимать кулаки под столом и улыбаться, будто всё в порядке?

Юлия рассмеялась — коротко, нервно.

— Откуда вы знаете, что я так делаю?

— Потому что вы делали это пять минут назад, — он кивнул на её руки. — Когда я спросил, кто вы.

Она посмотрела на свои ладони. Следы от ногтей на коже. Действительно.

— Я злюсь на... — она сделала вдох. Выдох. — На то, что всё уже решено. Что моя жизнь — это маршрут. Дом — работа — дом. Иногда встречи с подругами, которые застряли в том же. Мама звонит и спрашивает, почему я до сих пор одна. Коллеги шутят про "старую деву". И все смотрят на меня, будто я... будто я уже закончилась. В тридцать два.

Голос дрогнул. Она замолчала, испугавшись, что сказала слишком много.

Алеф не говорил ничего. Просто слушал. Его лицо было серьёзным, без тени насмешки или скуки.

— Простите, — Юлия потёрла лицо ладонями. — Я не должна была... вы же не просили выслушивать мои...

— Я просил, — перебил он мягко. — И я благодарен, что вы ответили честно. Знаете, что я вижу, когда смотрю на вас?

Она покачала головой.

— Я вижу женщину, которая не закончилась, — он произнёс это так просто, как констатацию факта. — Которая ещё даже не начиналась. Потому что жизнь, которую вы описали, — это не жизнь. Это ожидание. Вы стоите на пороге и не решаетесь войти.

— Войти куда? — прошептала Юлия.

Он улыбнулся — чуть заметно, в уголках глаз снова вспыхнули морщинки.

— В свою собственную историю.

Юлия не знала, что ответить. Она просто сидела и смотрела на него — на этого человека, который появился из ниоткуда, сказал ей то, что она боялась услышать от себя самой, и при этом не осуждал. Не жалел. Просто... видел.

Алеф налил ей ещё шампанского. Она не заметила, когда опустошила бокал.

— Расскажите мне что-нибудь смешное, — попросил он, откидываясь на диван. — Что-то, что заставит меня улыбнуться.

— Смешное? — Юлия моргнула. — У меня... не знаю, я не очень умею шутить.

— Попробуйте. Любую историю.

Она задумалась, перебирая в голове события последних недель. Всё серое. Скучное. Но потом вспомнила.

— Ну... в прошлую пятницу я работала допоздна. Одна в офисе. И ручка потекла — прямо на блузку. Я попыталась оттереть салфеткой, но только размазала. Получилось пятно, похожее на карту какого-то архипелага. Я сидела и думала: ну вот, теперь хожу с географией на груди. Может, назвать это модой? "Абстрактный картографический принт". Три тысячи в бутике на Тверской.

Алеф рассмеялся — негромко, но искренне. Звук был тёплым, как его голос.

— Абстрактный картографический принт, — повторил он, и в глазах плясали смешинки. — Вы гениальны. Завтра все дизайнеры будут рисовать пятна на одежде.

Юлия улыбнулась — по-настоящему, широко, и вдруг поняла, что не улыбалась так давно. Очень давно.

— Юля, — сказал он, и имя прозвучало так, будто он произносил его уже сто раз. Мягко. Тепло. Как ласка. — Вы знаете, что заставляет человека по-настоящему красивым?

Она покачала головой.

— Когда он не боится быть собой.

Их взгляды встретились. Юлия почувствовала, как по спине пробегает дрожь. Не от холода. От чего-то другого. От того, как он смотрел. От того, как её сердце билось — быстро, неровно, как крылья птицы.

Она на втором бокале шампанского. Голова слегка кружилась. Мир был мягким по краям, тёплым, нереальным.

Она парила.

Они говорили — о чём? Юлия не запомнила потом. О музыке. О городах. Он рассказывал про Венецию — как она выглядит на рассвете, когда туман стелется над каналами. Про маленькое кафе в Париже, где подают лучший круассан в мире. Про старую библиотеку в Праге, где пахнет пылью и временем.

Он говорил, и она видела. Картинки разворачивались перед глазами, как в кино.

— Вы везде были? — спросила она, и голос прозвучал мечтательно.

— Везде, где стоило быть, — он улыбнулся. — И всё равно ищу новые места. Новых людей. Новые истории. Потому что мир не стоит на месте. Он вращается. И либо ты вращаешься вместе с ним, либо...

— Стоишь у окна и смотришь на плакат с Мальдивами, — закончила Юлия.

— Именно.

Она допила своё шампанское. Поставила бокал на стол. Посмотрела на Алефа — на его лицо, на глаза, на руки, лежащие на подлокотнике. Длинные пальцы. Идеальные.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За то, что остановили меня. Что не дали уйти. Что... что увидели.

Он наклонился вперёд, и расстояние между ними сократилось.

— Юля, — произнёс он, и голос стал ниже, интимнее. — Вас невозможно было не увидеть.

Сердце замерло.

И тут, откуда-то из зала, донёсся крик. Юлия вздрогнула. Алеф резко поднял голову.

Ещё крик. Грохот. Звон разбитого стекла.

— Что это? — прошептала Юлия.

Алеф встал — быстро, плавно, без суеты. Шагнул к арке, выглянул. Лицо его не изменилось, но что-то в позе стало жёстче.

— Оставайтесь здесь, — сказал он коротко.

— Но...

Он обернулся, посмотрел на неё — взгляд был спокойным, но властным.

— Оставайтесь.

И вышел.

Юлия замерла на диване, сжимая подлокотник. Из зала доносились голоса — громкие, злые, перекрикивающие друг друга.

— Свобода сознанию!

— Долой паразитов!

— Хватит кормить этих тварей!

Что происходит?

Она встала, пошла к арке, выглянула. Зал превратился в хаос.

По центру — человек десять в чёрных куртках, с масками на лицах, с дубинками в руках. Они кричали, размахивали плакатами — на одном она успела разглядеть: "ПРОСНИСЬ!" Гости шарахались от них, прижимались к стенам. Женщина в бордовом платье плакала. Мужчина в смокинге пытался оттащить свою спутницу к выходу.

Охранники бежали со всех сторон — огромные, чёрные, с рациями. Один из замаскированных замахнулся дубинкой. Охранник перехватил, скрутил, повалил на пол.

Началась потасовка.

Юлия стояла, прижавшись к колонне, и не могла пошевелиться. И тут чья-то рука схватила её за запястье. Она вскрикнула, попыталась вырваться.

— Тихо, — голос Алефа. Спокойный. Твёрдый. — Идём.

Он потянул её за собой — не к выходу, а в сторону, к дальней стене, где была небольшая дверь. Служебный выход, наверное.

— Алеф, что...

— Потом, — бросил он, не оборачиваясь.

Кто-то из замаскированных заметил их, крикнул что-то неразборчивое, шагнул вперёд.

Алеф резко развернулся.

Он не ударил. Не толкнул. Просто встал между Юлией и нападающим — прямо, широко, как стена.

И посмотрел.

Замаскированный замер. На секунду. Потом попятился.

Алеф снова потянул Юлию за собой.

Они дошли до двери, Алеф открыл её — узкий коридор, тусклый свет. Он втолкнул её внутрь, закрыл дверь, прислонился к ней спиной.

Дыхание ровное. Лицо спокойное. Ни капли страха.

— Вы в порядке? — спросил он.

Юлия кивнула, не доверяя голосу. Сердце колотилось, руки дрожали.

— Что это было?

— Грубая выходка, — Алеф поморщился. — Радикалы. Любители испортить вечер личным людям. Ничего опасного.

— Ничего опасного?! У них были дубинки!

— И всё равно их выведут через пять минут, — он выпрямился, разгладил пиджак. — Охрана здесь обучена. Всё будет в порядке.

Он шагнул к ней, положил руку ей на плечо — легко, успокаивающе.

— Вы испугались.

— Ещё бы, — Юлия попыталась улыбнуться, но губы дрожали. — Я не привыкла к... к такому.

— К сожалению, в наше время это случается, — он вздохнул. — Люди злятся. Ищут врагов. Иногда находят их там, где их нет.

Юлия посмотрела на него.

— Вы совсем не испугались.

Он пожал плечами.

— Страх — это привычка. От неё можно избавиться. Или научиться контролировать.

Его рука всё ещё лежала на её плече. Тёплая. Сильная.

— Спасибо, — прошептала она. — Что прикрыли меня.

Алеф посмотрел на неё долго, внимательно.

— Я не мог допустить, чтобы с вами что-то случилось, — сказал он тихо. — Не сегодня. Не когда я только что нашёл вас.

Юлия не могла оторвать взгляд.

За дверью послышались голоса — громкие, командные. Топот ног. Потом тишина. Алеф выглянул в коридор, кивнул.

— Всё закончилось. Их вывели. Но боюсь, вечеринка окончена. Гости разбегаются.

— Понятно, — Юлия почувствовала странное разочарование. Не хотелось уходить. Не сейчас. Не от него.

Они вернулись в зал. Он действительно опустел. Несколько охранников стояли у входа, разговаривали по рациям. На полу — разбитый бокал, чей-то шарф, один плакат, оставленный нападавшими.

Алеф подвёл её к выходу. Взял её пальто с вешалки — она даже не помнила, как его сдавала — и помог надеть. Пальцы коснулись её плеч, задержались на мгновение.

— Этот вечер заслуживал лучшего финала, — сказал он, глядя на неё. — Должен ли я просто отпустить эту звезду обратно в ночь?

Юлия открыла рот, чтобы ответить, но он уже доставал что-то из внутреннего кармана пиджака.

Визитка. Плотная бумага, цвета слоновой кости. На ней — только одно слово, отпечатанное изящным шрифтом: АЛЕФ. И номер телефона.

Он протянул её Юлии.

— Если у вас будет желание увидеть, каким может быть настоящий вечер, — голос мягкий, вкрадчивый, — позвоните мне. В любое время.

Юлия взяла визитку. Их пальцы коснулись.

Искра.

Настоящая, физическая искра — или ей показалось? — пробежала от его кожи к её. Юлия вздрогнула. Алеф улыбнулся — едва заметно.

— Спокойной ночи, Юля, — сказал он. — Берегите себя.

Он развернулся и ушёл в глубь клуба, оставив её стоять у входа, сжимая визитку в руке.

Такси ехало через ночную Москву. Юлия сидела на заднем сиденье, не снимая пальто, и смотрела в окно.

Город больше не казался враждебным. Огни мерцали, как звёзды. Улицы вились, как реки. Всё вокруг было полно тайн, возможностей, обещаний.

Визитка лежала в её ладони. Плотная. Тёплая — от её руки или от его?

Телефон вибрировал. Юлия достала его из клатча, посмотрела на экран. Неизвестный номер. Она открыла сообщение.

«Безопасно доехали? Сегодня вы были самым прекрасным диссонансом. А.»

Сердце пропустило удар. Юлия перечитала сообщение. Раз. Второй. Третий.

Она прижала телефон к груди, закрыла глаза и улыбнулась — широко, по-дурацки, счастливо.

Сказка началась.

ГЛАВА 7: «ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ — НЕ В РЕСТОРАНЕ»

Юлия не спала всю ночь.

Лежала на диване, уставившись в потолок, и перечитывала его сообщение. Раз за разом. Пока буквы не начали расплываться перед глазами.

«Сегодня вы были самым прекрасным диссонансом».

Шпуля устроилась у неё на животе и мурлыкала — тихо, монотонно, как терапия. Юлия гладила её мягкую шерсть и думала: это правда? Или мне приснилось?

Визитка лежала на тумбочке. Реальная. Осязаемая.

Значит, не сон.

Утром она встала разбитая, с красными глазами и головной болью от недосыпа и шампанского. Но когда посмотрела в зеркало, увидела не усталость.

Увидела блеск в глазах. Румянец на щеках. Улыбку, которая появлялась сама, без команды.

Она выглядела... живой.

День тянулся, как резиновый. Юлия сидела дома — суббота, никакой работы — и пыталась заняться чем угодно. Убралась. Помыла посуду. Дала Шпуре таблетку. Включила сериал. Выключила через десять минут.

Телефон лежал рядом. Молчал.

Может, написать ему? Ответить на сообщение? Нет, слишком рано. Покажется навязчивой. Но он же написал первым. Значит, ждёт ответа? Или нет?

Юлия взяла телефон. Положила. Взяла снова. Набрала: «Спасибо за вчерашний вечер. Мне было очень приятно». Стёрла. Слишком формально. Набрала: «Доехала нормально, спасибо! Как ты?» Стёрла. Слишком обыденно.

Бросила телефон на диван и зарылась лицом в подушку.

— Я идиотка, — пробормотала она. — Полная идиотка.

Шпуля мяукнула с кухни. Согласилась.

В половине второго телефон вибрировал. Юлия подскочила так резко, что чуть не свалилась с дивана. Схватила телефон.

Алеф.

«Добрый день, Юля. Надеюсь, вы отдохнули после вчерашних приключений. У меня к вам предложение».

Пауза. Три точки — он набирает. Сердце колотилось.

«Сегодня вечером я собираюсь показать одному знакомому небольшую частную коллекцию. Маленькую кунсткамеру странностей. Подумал — вас это может заинтересовать. Если, конечно, вы не заняты».

Юлия уставилась на экран.

Кунсткамера? Коллекция?

Она набрала ответ, стёрла, набрала снова.

«Звучит интересно. А что это за коллекция?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Артефакты. Диковинки. Вещи, которые не вписываются в привычную картину мира. Если начну описывать, испорчу сюрприз. Лучше увидите сами».

Юлия прикусила губу.

«А что надеть? Дресс-код есть?»

Пауза. Потом:

«Приходите такой, какая есть. Ваше любопытство — лучший наряд».

Она рассмеялась — вслух, одна в пустой комнате. Шпуля недовольно фыркнула.

«Хорошо. Во сколько и где?»

Он прислал адрес — Чистые пруды, старый дом в тихом переулке — и время: 19:00.

Юлия посмотрела на часы. Пять часов.

Паника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.